

М. П. ЖИГАЛОВА

(Брест)

.....
Эпистолярный жанр античности:

нравственно-эстетическая и методическая парадигма

В настоящее время школа ставит перед собой задачу не только передать учащимся в процессе обучения систему научных знаний, практических умений и навыков, но и воспитать нравственную личность. А воспитание всегда вводит ребенка в контекст культуры общества, постижение которой происходит чаще всего через художественную литературу и искусство.

Известно, что идеи духовной культуры во все времена были у человечества созидательными. Культура каждого народа — это неповторимая Вселенная, созданная определенным отношением каждого человека к миру и к самому себе. Она есть способ творческой самореализации личности. Поэтому постижение иных культур, в том числе и античной, обогащает читателя не только новыми знаниями, но и творческим опытом. И сегодня, решая проблемы нравственно-эстетической ценности художественного произведения, истоки которых находятся в античности, школьники и студенты, учителя и ученые еще больше прониклись желанием познать непознанное, постичь культуру древних цивилизаций, такую отдаленную от нас временем и такую близкую нам по духу. И это происходит не случайно. Ибо от формирования духовно-нравственных качеств молодежи, ее гражданской позиции, эстетической восприимчивости, способности к творчеству во многом зависит и судьба нации, государства.

И хотя античная литература в небольшом объеме изучается в школах Беларуси, однако ее влияние на литературное образование школьников значительно.

Материал, предложенный в статье, рассказывает о вечных вопросах бытия, однозначных ответов на которые так до сих пор и не выработало человечество.

Содержание этой статьи может быть успешно использовано и на уроках литературы в классах гуманитарного профиля, и на лекциях и практических занятиях в вузе, да и просто будет интересно всем, кто неравнодушен к познанию мировой духовной культуры, формированию своей философии жизни, к своей судьбе.

* * *

Каждый раз, когда в литературе идет поиск тематического разнообразия, стилевой широты, писатели неизбежно обращаются к письму, которое предрасполагает к разнотемью, многожанровости, стилистической подвижности. Мир эпистолярной действительности существенно разнится от века к веку и даже от десятилетия к десятилетию.

В древнегреческом риторическом сочинении «О слоге» говорится: «Нужно знать, что для писем существует не только свой стиль, но и свой предмет речи». Однако в последующие эпохи «философические письма», «письма к ученому соседу» никого не удивляли. Более того, сочинение бытовых новостей, просьб, поручений, расспросов с наблюдениями о мире и человеке придает немеркнущее очарование письмам как великих людей, так и простых корреспондентов минувших эпох.

Письмо представляло запасы тематической и стилевой свободы, «болтовни», т. е. легкости перехода с предмета на предмет независимо от значимости.

Эту открытость разным жанрам бытовое письмо передавало своим литературным потомкам. Русский эстет начала XIX века П. Е. Георжевский разъяснял: «Под посланием, собственно, разумеется философское или литературное письмо в стихах. Содержанием его бывает изображение различных чувствований, мыслей, а иногда и описаний происшествий и вообще все, что входит в состав обыкновенных писем. Каждый род стихотворений имеет свое, особенное, свойство: ода — торжественность, песня — нежность, басня — простоту, сатира — колкость, элегия — уныние и т. д. В одном только послании (эпистоле) многие роды смешиваются вместе, ибо оно может быть страстным и поучительным, шутивным и печальным и нередко язвительным».

На эпистолярное искусство античности заметное влияние оказала риторическая школа. В риторических школах специально были декламации, в которых описывалось душевное состояние и мысли того или иного мифологического героя, находящегося в определенной ситуации (например, состояние Ниобы, потерявшей детей; Ахилла, узнавшего о смерти своего друга Патрокла, или Дидоны при отъезде Энея). Такими декламациями, например, являются «Послания» Овидия, наиболее риторическое из всех произведений.

Существуют письма фиктивные, написанные от мнимых лиц и мнимым же лицам, и письма подлинные, которыми обменивались писатели, ораторы и государственные деятели. К первой категории относятся любовные и бытоописательные письма, сочиненные Алкифроном, Филостратом, Элианом (III век), Овидием. Подлинные письма на греческом языке принадлежат Юлиану, Либанию и Сенесию, а на латинском языке — Фронтому, наставнику императора Марка Аврелия, и Симмаху — одному из последних борцов против христианства. Письма искусственные рисуют в живой художественной форме картины нравов и быта людей различных классов и профессий, подлинные же представляют особый интерес не только как литературный памятник, но и как исторический источник.

В программе филологических факультетов вузов Беларуси, где античная литература изучается как самостоятельный курс, эпистолярный жанр античности обсуждается на обзорной лекции и на практических занятиях по изучению творчества Овидия и Сенеки, где рассматриваются «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки и «Письма с Понта», «Героини» (или «Послания героинь») Овидия. «Героини» — это стихотворные письма героинь мифа к покинувшим мужьям и возлюбленным. С посланиями обращаются Пенелопа, Брисеида, Деянира, Медея, Федра, Ариадна, Дидона и др. Рисуя образы, известные римскому читателю и имеющие многовековую традицию в античной художественной литературе, Овидий по-новому освещает душевную жизнь своих персонажей. Героини сочетают в своих письмах риторические фигуры с лирическими излияниями. Послания однообразны по теме. Это и понятно, ведь все героини находятся в одном положении — в разлуке со своими возлюбленными. Одни и те же мотивы встречаются в письмах разных героинь (жалобы на одиночество, ревнивые подозрения, воспоминания о прошлом, просьба о возвращении и т. д.). Искусство поэта и проявляется в умении варьировать сходные мотивы, в умении придать каждому образу неповторимость. Вместе с тем Овидий как бы сводит своих героинь с мифологических пьедесталов и приближает их к облику реальных, земных римских женщин.

Студенты учатся обнаруживать в произведениях античности сочетания признаков различных литературных видов. А главное — видеть и чувствовать, как природа жанра проявляется в сюжете, образной системе, стиле, едином, многозначном и неповторимом смысле художественного создания. Так, первая героиня Овидия

Пенелопа, нежная, преданная жена Одиссея, рассказывает о своей чистой любви, какой поэт не встречал вокруг:

Шлет Пенелопа, тоскуя, скитальцу привет Одиссею;
Ей не поможет ответ: сам поскорей вернись!

Овидий понимает, что для описания такого чувства нужны совсем другие тона и стиль, более благородный и достойный, способный передать искренние переживания, горячую страсть, волнующие воспоминания, тоску, тайные слезы по ночам, вопросы, неясные глухие сомнения, проблески надежды. Письмо, естественно, кончается так, как и начинается, — призывом, ибо настоящая любовь — это и есть призыв. Призыв, обращенный к любимому существу, близость которого наполняет жизнь радостью и смыслом.

Вопросы счастья и смысла жизни звучат и в философских письмах Сенеки.

Практическое занятие «Уроки жизни» (по «Нравственным письмам к Луцилию» Луция Аннея Сенеки) поможет студентам сформировать свою философию жизни. Концепцию занятия определяют слова Вергилия:

Много могу передать старинных тебе наставлений,
Если ты прочь не бежишь и забот не чуждаешься мелких.
Вергилий (Георгики. I, 176—177)

Остановимся только на некоторых содержательных аспектах практического занятия.

«...Счастье, — пишет Аристотель, — мы считаем целью во всех отношениях совершенной (и конечной), <...> это начало в том смысле, что все (мы) для него делаем все остальное...» [1, с. 72, 74]. Но и мы, современные читатели, тоже делаем все остальное: живем, работаем, преодолеваем различные трудности нашей ежедневной жизни, воспитываем детей ради счастья, а оно еще почему-то не согрело нас и наше общество своим добродетельным теплом. Что же еще нужно для достижения счастливой жизни, кроме нашей активной деятельности?

Очевидно, что это ахиллесова пята для каждого из нас и всего нашего общества, где падение нравов и бездуховность еще имеют место. Однако отказаться от стремления к счастью и поисков его — это сверх наших человеческих сил. Поэтому попробуем более подробно узнать об условиях его достижения на примере «Нравственных писем к Луцилию» Луция Аннея Сенеки.

Каждый раз, перечитывая страницы этой книги, задумываешься о том, как отдалена она временем и как остается актуальной сегодня. Но каждый раз не перестаешь удивляться, какие мудрые советы, уроки жизни она предлагает и читателю XXI века.

Жизнь Сенеки была полна взлетов и падений. Он всегда оставался в гуще политики, что давало основания его современникам обвинять философа в честолюбии и корыстолюбии. И хотя живые черты облика Сенеки утрачены и невозможны, но понять, каким было представление философа о счастливой жизни, можно, исходя из исторической ситуации, из мироощущения писателя, каким оно видится в его сочинениях, из традиций того учения, к которому он примыкал.

В эпоху эллинизма три самые влиятельные этико-философские школы: киники, эпикурейцы и стоики соглашались в одном — знание истинного блага делает жизнь человека блаженной (счастливой). Но рожденные в эпоху крушения полиса, они предлагали человеку, утратившему свое привычное место в гражданской общине, разные пути к «евдэмонии» (термин у Сенеки обозначал «блаженная жизнь»).

Если внутри полиса каждый человек, заботясь о счастье целого, тем самым заболел и о собственном счастье, то теперь он должен был сам искать линию жизненного поведения, обеспечивающего «евдэмонию».

Киники, например, считали, что этого достигнуть можно лишь тогда, когда ограничишь удовлетворение насущных естественных потребностей.

Эпикурейцы усматривали «евдэмонию» в безмятежности и отсутствии страданий, т. е. они фактически изымали человека из всех социальных связей.

Стоики (к ним принадлежал и Сенека) строили свою этику на фундаменте натурфилософии. От киников они взяли идею счастья: жить нужно человеку согласно природе. Переосмыслив ее, они создали новое учение о природе и человеке. А поскольку в основе природы лежит «логос» — разум, то, следовательно, «жить по природе» для человека значит «жить по разуму». Нравственная цель заключается в том, чтобы через усовершенствование этой природы прийти к «добродетели». Но совершенная добродетель — это совершенное знание, мудрость. Сенека считал, что прийти к нравственной норме можно через разумное суждение и знание. Поэтому путь стоиков и желание Сенеки об усовершенствовании человеческой природы совпали. Так возник идеал мудреца, который, по мнению стоиков, будет сообразоваться с государственным устройством, заведет семью и выполнит обязанности гражданина. Как видим, в Риме стоическая философия оказалась стимулом к деятельности.

Человек, по мнению Сенеки, должен **искать** (выделено мною. — *М. Ж.*) счастья. А оно — не в материальных благах, а внутри себя. Поэтому Сенека превозносит простоту нравов, показывает преимущества радостей бедняка перед пресыщенностью богачей. Пассивность, примирение со своей участью есть следствие царящей в мире неумолимой необходимости, предотвратить которую мудрец не в состоянии. Он должен покориться божественной силе, которая проявляется во всей природе. И хотя между проповедью моральных устоев и их осуществлением у Сенеки есть существенные противоречия (так, например, осуждая стремление людей к богатству, Сенека сам накопил огромные богатства, которые оценивались в 300 миллионов сестерций (150 млн. руб. золотом), но его советы по-прежнему жизненны и необходимы, востребованы каждым из нас.

«Нравственные письма к Луцилию» — это свод законов для рода человеческого. Сенека ограничивается здесь областью этики. Он отвергает изопренную диалектику и логику древней стои, так как все эти «греческие глупости» (п. LXXXII, 9) не помогут человеку найти верный путь в жизни. Не увлекает Сенеку и натурфилософия (п. CXXI).

Этика, разработанная Сенекой, помогает и читателю XXI века регулировать поведение практически во всех областях человеческой жизни — в труде, в быту, в науке и политике, в семейных и личных отношениях. Его мораль распространяется на всех людей, фиксируя в себе то общее, основное, что и сегодня составляет культуру межличностных человеческих взаимоотношений.

Любая житейская мелочь становится отправной точкой для рассуждения. Жизненно конкретен и адресат посланий — заваленный делами прокуратор Сицилии, — и их отправитель, страдающий от городского шума, путешествующий из усадьбы в усадьбу, преодолевающий болезнь, вспоминаящий молодость... «Вместе с тем текучее разнообразие жизни входит в письма, как некий негативный фон для незыблемой нормы, т. е. философии, целительницы душ, «науки жизни», призванной судить ее и дать ей законы», — отмечает С. А. Ошеров [2, с. 414].

Произведение древнего римского писателя и философа не перестает удивлять читателя своей злободневностью, потому что это и сегодня — «программа нрав-

ственного самоусовершенствования», предназначенная не только для адресата и отправителя, но и для современного читателя.

Устная философская беседа-проповедь — диатриба — оставалась живым жанром на протяжении многих столетий. Поучающие и советующие письма писали еще Платон и Исократ, Кратет, Эпикур. Письма эти обычно адресовались ученикам и предназначались для распространения и публикации, а значит, были «литературным фактом». Конечно, судить о степени их влияния на Сенеку невозможно. Ясно одно: «Нравственные письма к Луцилию» — литературное произведение и за ними стоит большая литературная традиция. «Письмо» стало жанром литературы, который использовался, если нужно было подчеркнуть неофициальность, интимность высказывания в противовес закреплённым в литературе высоким жанрам, — говорил Ю. Тынянов.

«Письма к Луцилию» начинаются разомкнуто — «Так и поступай, мой Луцилий» — ответ на сообщение друга, звено в цепи долгой переписки. И закончилась ли она, читатель не знает, так как конец «Писем к Луцилию» утрачен. Сборник рождает ощущение разомкнутости, бессистемности. Но эта бессистемность и есть система обращения читателя в свою веру.

Среди множества писем есть те, которые говорят о ничтожности внешних благ, необходимости дружеских связей между людьми, лживости мнений толпы. Но есть письма, в которых Сенека стремится заложить общие основы морали, которые и сегодня востребованы.

В своих письмах Сенека великолепно применил «действенные средства «психагогики» — искусства руководить душой человека.

Какой же закон жизни для будущих поколений выводит писатель? Что значит, по мнению Сенеки, быть счастливым? Какой жизненной этики следует придерживаться?

Об этом узнаем из «Писем...». Попробуем сформулировать основные этические правила Сенеки, его уроки жизни.

1. Старайтесь быть всегда «человеком добра». «Счастлив тот, кто направит порыв духа на благо: он уйдет из-под власти фортуны, будет умерять удачу, одолевая неудачу, презирать то, чем другие восхищаются. Великая душа пренебрегает великим и предпочитает умеренное чрезмерному, ибо первое полезно и животно, второе вредно, потому что излишне. Все желания имеют предел, кроме суетного и рожденного похотью: ему предела нет. Необходимое измеряется пользой, излишнему где найдешь границу? Так и погружаются в наслаждения, без которых, когда они вошли в привычку, уже нельзя жить. Поэтому нет несчастнее зашедших так далеко, что прежде излишнее становится для них необходимым. Наслаждения уже не тешат их, а повелевают ими, они же — и это худшее зло! — любят свое зло. Тот дошел до предела несчастья, кого постыдное не только услаждает, но и радует. Нет лекарства для того, у кого пороки стали нравами» (п. XXXIX).

2. Помните, что «не так опасны пороки, не скрытые от глаз; даже больные идут к выздоровлению, если болезнь прорвалась из глубины и обнаружила свою силу. Знай, что и скупость, и честолюбие, и другие недуги человеческого духа пагубнее всего тогда, когда прячутся за личиной здоровья» (п. LVI).

3. Знайте: «Кто занят, у того нет времени на озорство; и вернее верного то, что дело искореняет пороки, порожденные бездельем» (п. LVI).

4. Будьте воздержанны в желаниях, ибо «несчастен не тот, кто делает по приказу, а тот, кто делает против воли. Научим же нашу душу хотеть того, чего требуют обстоятельства...» (п. LXI). «Страсть сразу поднимает мятеж: куда она

ни обернется, тотчас же увидит рядом какую-нибудь приманку для своих притязаний. Нет зла без задатка: жадность сулит деньги, похотливость — множество разных наслаждений, честолюбие — пурпур, и рукоплескания, и полученное через них могущество, и все, что это могущество может».

5. Презирайте боль и смерть. «Мы боимся не смерти, а мыслей о смерти — ведь от самой смерти мы всегда в двух шагах. Значит, если смерть страшна, то нужно всегда быть в страхе: разве мы хоть когда-нибудь избавлены от нее?»

6. Умейте отдыхать, ведь отдых — это необходимое условие для нравственного совершенствования (п. XXVIII). Счастье состоит именно в умении найти золотую середину между работой и отдыхом.

7. Пренебрегайте похвалой людей неразумных, а ищите признанья и славы лишь в равных себе (п. СII).

8. Знайте, что награда за добродетельный поступок в нем самом, ибо он отвечает разумной природе человека.

9. Не ограничивайте страсти, а совершенно искореняйте их, потому что благодаря этому можно достичь полной независимости от мира, т. е. бесстрастия. «Всякая страсть вначале немощна, а потом сама себя разжигает и набирает силы, разрастаясь: легче не пустить ее, чем выгнать» (п. СXVI).

10. Помните, что одного знания добра недостаточно. «В душах, даже далеко зашедших во зло, остается ощущение добра, и они не то, что не ведают позора, но пренебрегают им» (п. ХСVII, 12). Должна быть еще **активная воля к добру, т. е. ответственный выбор жизненного поведения.** «Желание стать добродетельным — полпути к добродетели» (п. XXXIV, 3). «Желать и бояться — вот два главных стимула человеческой деятельности», — отмечает швейцарский исследователь-философ, автор многих нравственно-философских сочинений Ф. Р. Вейсс, в т. ч. «Нравственных основ жизни». Правда, в отличие от человеческой воли не следует забывать и о воле божественной, которая может быть только благой (п. ХСV, 49): бог величайший благодетель, слуга своих слуг (п. ХСV, 48), он заботится о людях (п. ХС, 18), и воля его есть провиденье. Бог посылает страдания для того, чтобы закалить человека добра в испытаниях, и в этом он подобен любящему отцу. Только в испытаниях можно проявить себя, а значит, доказать людям ничтожность невзгод.

11. Знайте, что направляет нашу волю к добру еще одна нравственная инстанция — **совесть**, «бичующая злые дела» (п. ХСVII, 14). Человек должен помнить не только о разуме, но и о совести, воздействовать на нее не только логикой, но и волновать (п. СVIII, 12).

12. Признавайте любовь, привязанность к своим ближним. «Ведь высоким чувствам нужно идти навстречу, и порой, вопреки напору обстоятельств, во имя близких возвращаться к жизни даже и с мукой...» (п. СIV).

13. Не считайте богатство благом, ибо одинаково можно быть несчастным и под соломенной, и под золотой крышей. Богатство может способствовать счастью, но создать его оно бессильно. «Ты считаешь богатства благом; стало быть, тебе будет мучительна бедность и — самое печальное! — бедность мнимая: ведь ты, хоть имеешь много, будешь воображать, будто тебе не хватает ровно столько, на сколько превзошел тебя имеющий больше» (п. СIV). По мнению Сенеки, «мудрец не стремится к богатству, не отдает ему своей души, но не отказывается от него и предпочитает его бедности». «Бедность удержит при себе лишь истинных друзей, любой, кто тянулся не к тебе, а к чему-то еще, уйдет. Так не должно ли любить бедность за то одно, что она ясно показывает, кто нас любит».

14. **Знайте, что самое страшное — это зависть.** «Ты считаешь благом почести: так тебе будет плохо от того, что такой-то стал консулом, а такой-то — даже во второй раз; ты будешь завидовать всякому... И честолюбие настолько лишит тебя разума, что при виде одного обогнавшего ты забудешь обо всех, кого оставил позади» (п. CIV).

15. **Не забывайте о долге человека.** «На одного гляди, чтоб он тебе не повредил, на другого — чтобы ему не повредить. Радуйся чужим удачам, огорчайся неудачам, помни, что ты должен дать другим и чего остерегаться. Чего ты достигнешь, живя так? Навредить тебе смогут все равно, а вот обмануть не смогут» (п. CIII).

16. **Помните, что есть в жизни милосердие и благодеяние.** Первое есть обязанность, налагаемая на нас уже тем, что все мы люди: «Человек — предмет для другого человека священный» (п. XCV, 33). И если мы хотим этой добродетели от правителя государства, то и сами должны обладать ею по отношению к стоящим ниже (п. XLVII, 11). Для человека всякое благодеяние есть тот добродетельный поступок, награда которого — в нем самом. Такие поступки не только благодетельствуют, но и совершенствуют обе стороны.

17. **Знайте, что человек слаб пред лицом природы. Поэтому живите в человеческой общности. Находите такие нравственные основы общежития,** которые были бы доступны всем согражданам по человечеству. **Ищите новых основ человеческого сообщества в «духе»,** пролагая путь к последующим векам. «Наша душа — то царь, то тиран: царь, когда стремится к честному, заботится о здоровье порученного ей тела, не требует от него ничего грязного, ничего постыдного; а когда она не властна над собою, жадна, избалована, тогда получает ненавистное и проклятое имя и становится тираном» (п. CXIV).

18. **Цените свое собственное благо.** «В чем оно? В том, чтобы исправить и очистить душу, которая... поднялась выше человеческих пределов, видя все для себя только в себе самой. Что же есть твое благо? Совершенный разум! Призови его к самой высокой цели, чтобы он дорос до нее, насколько может. Считай себя блаженным тогда, когда сам станешь источником всех своих радостей, когда среди всего, что люди похищают, стерегут, чего жаждут, ты не найдешь не только что бы предпочесть, но и чего бы захотеть» (п. CXXIV).

Так что счастье гораздо более зависит от того, что мы чувствуем, чем от того, что мы имеем действительно. Как видим, и сегодня по-прежнему к лучшим качествам человека принадлежат доброта, знание и настойчивость, или, иными словами, доброжелательность к людям, мудрость и твердость характера.

Как научиться «властвовать собой», ведь наше умение владеть собой очень ограничено? Вот несколько таких правил.

- Любой мудрец, вопреки мнению стоиков, вовсе не изъят от влияния страстей; он только умеет ими управлять, тогда как другие люди, наоборот, подчиняются их власти сами.

- Он, как и другие, не может считать себя свободным, будучи окованным, но душа его сохраняет при этом благородство и независимость.

- Его нельзя назвать богатым в бедности, но умение обходиться малым делает для него бедность менее чувствительной.

- Точно так же, хотя он и остается нечувствительным к бедам и горю, он не преувеличивает их тяжести воображением и малодушием.

- Наконец, если он, будучи все-таки человеком, не застрахован от возможности иной раз ошибиться или опечалиться, то это может случиться с ним реже, чем с прочими людьми, и, сверх того, подобные грустные минуты будут для него менее продолжительны. Он даже в несчастье проявит характер силы и величия.

• И еще. Творец вложил в нас **желание деятельности**, без которой мы не можем быть счастливыми, ибо жизнь нравственная, как и физическая, основана на законе постоянного движения.

Счастье и добродетель тождественны. *Доброта привлекает к нам сердца людей; честность — всеобщее уважение; знание оберегает от ошибок; умеренность предотвращает излишества; наконец, твердость характера дает верную гарантию в том, что ни удары судьбы, ни несчастья нас не уничтожат.*

Таким образом, можно сделать вывод, что уроки жизни, которые дает Сенека, помогут читателю заново не только осмыслить важные жизненные проблемы, но и по-новому решать их.

Итак, эпистолярный жанр античности — это один из замечательных документов, драгоценный образец словесного искусства, с которым нужно обязательно знакомить юного читателя.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — 832 с.
2. *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию / Сенека. — Кемерово: Кемеров. книжн. изд-во, 1986. — 463 с.

* * *

Язык и стиль античных писателей: сб. ст. / отв. ред. А. И. Доватур. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. — 226 с.

Жигалова, М. П. Античная литература в средней школе: пособие для учащихся / М. П. Жигалова. — Минск: Маст. літ., 2000. — 479 с.

Жигалова, М. П. Божественные звуки античности (тесты по античной литературе): кн. для студ. вузов Респ. Беларусь / М. П. Жигалова. — Брест: Издатель С. Б. Лавров, 2002. — 113 с.

Жигалова, М. П. Изучение античной литературы в школах различного типа: учеб.-метод. пособие / М. П. Жигалова. — Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2002. — 59 с.

Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V вв. / под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. — М.: Наука, 1964. — 236 с.

